

Василий¹ любил охоту сызмальства. Заботу о псарне перенял от своего отца Иоанна III², а став единовластным хозяином Кремля, сформировал Ловчий приказ для услады. Служивые люди, готовые по одному княжескому слову обеспечить псовую охоту до трёхсот всадников, содержали борзых и гончих в заботе и ласке. Молодая жена Елена Васильевна³ тоже любила потешиться охотой. Дети пока малы, но, как только встанут крепко на ноги, первым делом начнут обучать охоте. Для души дело захватывающее и для воинского навыка не последнее. Без выносливости, ловкости московскому князю никак нельзя, ответственность за обширное княжество прижимает к земле, а если здоровье в полях и лесах закалил, есть сила держать плечи ровно.

Василий, почувствовав хворобу во всем теле с вечера, от охоты не отказался. Зря, что ли, Москву покинул, и нельзя ему слабость показывать. Бояре, неугомонная свора, так и ждут, как бы в престол вцепиться и рвать, рвать что есть силы.

«Ничего, – думается Василию, – с Божьей помощью и это перенесу. Не впервой в седле жар перебарывать». Но на всякий случай велел постельничему Якову⁴ позвать лекаря в охотничий домик.

– Тихо пусть, а то знаю вас. Чуть что, радость в глазах – князь помирает.

– Что ты, Василий Иоаннович. Разве такое можа говорить? – Яков служил князю как угодно государю, так угодно и Богу.

¹ Василий III Иоаннович (1479–1533) – великий князь владимирский и московский, впервые в истории Руси назван царём (цезарем).

² Иоанн III Васильевич (1440–1505) – великий князь московский, известен также как Иван Великий.

³ Елена Васильевна Глинская (1508–1538) – великая княгиня московская, дочь князя Василия Львовича из литовского рода Глинских.

⁴ Яков Давыдович Мансуров – боярин, постельничий на службе у Василия III Иоанновича.

Недомогание князя заметил давно. В седло садится тяжело, морщится при ходьбе, на Богослужении стоял красный, на лбу капли пота, а в церкви нежарко.

Лекарь пришёл тут же, словно за порогом стоял. Кланяется, суетится, склянки на стол выставляя.

– Ты сначала расспроси, потом снадобьём будешь хвастаться, – сердится Василий: «Чужеземец окаянный. По-русски лопочет, чуть поймёшь, одно слово, немец, да деваться некуда. Свои только бабки-повитухи и знахарки», – Вона глянь. В паху словно комар укусил или булавкой уколел. Красное и твёрдое. Больно, не дотронешься. Неужто от него жар и тело всё ломит?

Лекарь долго рассматривал алое небольшое пятнышко на белом, уже немолодом теле государя.

– Седло смотреть надо. Натёр. Мазь есть. Всё пройдёт к вечеру, – убедительно сказал немец.

«Врёт заморский оглаед», – не поверил постельничий.

Василий же кивнул с благодарностью и велел кликнуть ловчева.

Как не желал государь поохотиться, но побороть боль от крохотной оказии, приключившейся на теле, не мог. Проскакал две версты и чуть удержался в седле.

Заметалась свита – Василий Иоаннович занемог.

Из Москвы срочно вызвали «любечанина» Николку Люева⁵ и князя Михаила⁶, родного

⁵ Николай Люев (Булев) (р. около 1460 – ум. после 1535) – доктор Василия III Иоанновича. Он был родом из Любена, поэтому его иногда называли любечанином.

⁶ Михаил Львович Глинский (1470–1534) – князь из рода Глинских, военачальник и государственный деятель Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. Предводитель выступления, известного как мятеж Глинских.

дядю молодой государыни. Он когда-то обучался лечебной науке в германских землях, но ничего, кроме муки, замешанной на мёде, и печеного лука не присоветовал. Болячка от такого лечения ещё больше воспалилась и начала нарывать.

Князь осунулся, лицом потемнел, только воду пьёт, и то без желания.

Соломония¹ это! Она!

Сказывали, шептали на ухо, принародно кричали – не дело жену заточать в монастырь, а самому идти под венец с молодой. То против совести и Бога. Разве она виновата, что двадцать годков делила с ним ложе, освящала добродетелью и чистотой помыслов каждый вместе прожитый день. Не стал бы он так поступать, но она день-ночь бьёт поклоны, обращается к знахаркам, а всё пустая ходит. Он государь. Ему наследник нужен.

Сам просил, бояр подсылал, по его наказу митрополит Даниил² увещевал. Соломония не даёт согласия на постриг. Опять уговаривают. Добровольно не хочет. Пришлось силу применить, тайно вывели из дворца и заключили в Рождественском девичьем монастыре.

Вроде бы смирилась, и начали подготовку к обряду. День прошёл, второй – княгиня вновь противится:

– Беззаконны ваши умыслы, народ и Бог на моей стороне, – в сердцах кричит Соломония Юрьевна, – как можно нарушать святой устав любви? Я государыня, ею и останусь.

Ивану Шигоне³ жалко княгиню, но послушаться князя боится, он же строго-настрого наказывал: хватит тянуть, и обещал, если дело сделаешь – не забуду.

– Ты бы не упрямилась, всё одно по-княжески будет, – Иван ещё надеется на благоразумие Соломонии, но она в очередной раз своенравно отталкивает монашеский куколь.

– Значит, по-хорошему не хочешь? – тяжело вздыхает великокняжеский слуга и идёт за длинным плетёным бичом из сыромятной кожи.

Княгиню постригли и силком натянули ризу инокини. Бывшая государыня сквозь слёзы проклинает:

– Бог всё видит, отомстит моему гонителю.

Красное пятнышко, неизвестно откуда взявшееся, изнутри огнём жжет князя. Он слабеет с каждым часом. Слуги, свита из уст в уста передают – Соломония! Её проклятие!

Конечно, есть те, кто сомневается – разве такую силу слова могут иметь? Не верит в то и сам Великий князь.

Он вспоминает, как ведёт под венец Елену: телом гладкая, образованная, по-модному одетая. Не чета местным боярским девам. Те кротки и пугливы, а чужеземная Елена взгляд не отводит, не краснеет от мимолетного прикосновения и понимает толк в ласках. За всю жизнь он столько не изведal, сколько познал с молодой женой за несколько месяцев. Ради неё стал наряжаться, сбрил бороду, духом воспрянул, а детей зачать всё одно не получается. Зато из Суздаля слух летит: Соломония родила наследника московского трона. Будто бы, когда расправа совершалась, она тяжелой была. Теперь пусть князь раскаивается, что по доброй воле отказался от единокровного сына.

Князь велит наказать разносчиков таких сказок и приказывает для выяснения государственного дела спешно ехать в Покровский монастырь.

Инокня София приняла московских гостей смиренно, собственноручно накрыла стол, а как разговор о сыне пошёл, словно подменили её. Куда монашеское послушание и робость делись. Вновь перед дьяками государыня Соломония Юрьевна. Смотрит гордо, говорит высокомерно.

Дьяконы допытываются: подлинно, что сына на свет произвела?

– Чистая истина.

– Как нарекла?

– Георгием Васильевичем.

– Здоров ли.

– Не жалуясь.

¹ Соломония Юрьевна Сабурова (Софья Суздальская; 1490–1542) – первая жена Василия III Иоанновича. Канонизирована Русской церковью в лике преподобных.

² Даниил (р. до 1492–1547) – московский митрополит в 1522–1539 годах.

³ Иван Юрьевич Шигона-Поджокин (ум. 1542) – боярин, дворецкий и любимец Василий III Иоаннович.

– Дай взглянуть на младенца.
– Показать не могу.
– Может, и нет никакого Георгия. Вымысел, – надеждой тешат себя дьяконы. Боязно им, если правда – народился Георгий Васильевич, князь за такое известие снесёт им головы.

– Явить наследника московского престола не могу, – Соломония говорит с достоинством, в глазах читается уверенность. – Хоть и назвали вы слугами великокняжескими, а так ли это, не знаю. Да и мал он, чтобы людям показывать.

– Почитай, ему больше девяти месяцев должно быть, – лукавят дьяконы.

– На днях Георгию Васильевичу семь месяцев исполнилось, – улыбается на хитрость дьяков Соломония.

– Представь, – не просят – требуют дьяконы.

– Нету его тут. Где? Не скажу.

– Правды всё одно не скрыть. Не хочешь сказать, другие поведуют. Каждого опросим, потребуется, и с дознанием.

– Как наследника производила на свет, знают немногие. Это мои люди, проверенные, они и под пытками ничего не скажут.

– Покажи, – умоляют дьяконы. – Нельзя нам вертаться в Москву ни с чем. Князь сердчать будет. Пожалей ты нас.

– Меня никто не жалел, и я жалеть не стану. Князю передайте: сын его и мой – явится в своё время в могуществе и славе.

Так и не узнали великокняжеские дьяконы правды. Василия Иоанновича такой ответ не устроил, послал в Суздаль новых послов.

Инокния София посланцев княжеских приняла, сама мёдом угостила, когда же разговор о сыне начался, отведя взгляд в сторону, поведала:

– Скончался Георгий Васильевич на прошлой неделе.

– От чего? – пытаются её.

– Горячка приключилась. Не уследила.

– Могилка есть?

Инокния София показала московским гостям гробницу сына. Могила есть, а был ли княжеский наследник? Тайна! Может, не представился он, и следует ждать, когда явится в могуществе и славе.

Василий Иоаннович лицом почернел от сомнений, и другое мучает: молодая жена тоже пустая ходит. Когда почти уверовал, что

престол некому будет передавать, новость – Елена беременна.

Как схватки у княгини начались, так над Москвой разразилась гроза, какой сроду не видавали. Темно, как ночью, потом разом десятки зловещих молний от горизонта до горизонта, и гром, словно земля на части лопается.

Природа угомонилась, а по Москве поползло, неспроста то, знак это. Не к добру младенец на свет явился, в силу возьмёт, и ждёт московскую землю грозное время. И не сын он княжеский, нагулянный. Бог по просьбе Соломонии так упреждает москвитян.

Даже сам Василий Иванович по ночам нет-нет, а терзался – его ли семя дало потомство.

* * *

– Яков, Яков, позови-ка Елену с сыном, – князь слабел, а после многочасовых бесед с боярами о судьбе Московского государства говорить и то тяжело.

Как жена и сын Ваня¹ вошли в горницу, Василий не услышал, ковры шаги приглушили.

– Тятенька, – бойко выкрикнул наследник и уткнулся лицом в плечо отца. Князь встрепенулся, приподнялся, Яков кинулся к больному, но Елена сама подсунула под спину мужа подушки. – Тятенька, я сегодня на охоту ходил.

– На охоту? – улыбнулся князь. «Мой, мой это сын. Лоб мой, губы. Глазами смахивает в мать мою». – Словил что?

– Косого видел, но он убёг.

– Ничего, сынок в следующий раз обязательно косой твой будет. Ступай, Ваня, погуляй, мне надоть с мамкой твоей словом перемолвиться.

Князь перекрестил сына и поцеловал.

– Зайца для забавы кто догадался словить?

– Князь Михаил.

– А я подумал, князь Иван.

– Так нет его тут.

– Знаю, что нет. Спутал я, – князь недобро взглянул на жену.

«Не зря мне доносят. Вьётся возля тебя молодец. Ну, погодь, мне бы только подняться!».

– Георгий² не хворает боле?

¹ Иван IV Васильевич (1530–1584) – государь, Великий и всея Руси с 1533 года, первый венчаный царь всея Руси.

² Юрий (Георгий) Васильевич (1532–1563) – князь Углицкий, младший брат Ивана Грозного.

– Слава Господу, на поправку пошёл. Жара нет, головёнку пытается держать. Глазёнками хлопает так быстро-быстро.

Хотела поведать мужу, что младший сын на зов не откликается и не лопочет, как младенцам полагается, но расстраивать больного не стала. Встанет на ноги, вместе и нагорюются над ложем Георгия Васильевича.

– Хорошо! – князь надрывно вздохнул.

Елена не узнавала мужа, был-то не молод, сейчас и вовсе старик. Одни глаза живые, всё остальное сродни тесту осевшему и заплесневелому. И дух сходен нечистотам.

Разве молодости понять дряхлость и хворость? Ей чуть более двадцати, и нравом весела. Умом Господь не обидел, и знатный род обязал многие науки изучить. Изъясняется по-немецки и польски. Читает и говорит по-латыни.

Молодая княгиня понимает, как мужа не станет, беда к ней, пуще к сыновьям, подступит. Пока совет шёл, молилась и вчера молилась, и другого дня Бога просила заступиться.

– Сядь, – князь указал на место рядом с собой.

Елена замешкала. От князя шёл такой приторный запах, что стоять поодаль сил не было, а тут рядом сидеть. Василий уловил настрое-ние жены.

– Брезгуешь? Погодь, меня не станет, пожалеешь не раз. Ты для них чужеземкой была, такой и останешься. Отца изменника враз припомнят, и порядки твои немецкие – многим не по нраву.

Елена как стояла, так и упала в ноги мужа и в голос зарыдала.

«Ведает. Всё ведает», – князь погладил по голове жену. Велел сесть и успокоиться.

– Знаю, от меня дух плохой. Да, не в моих силах что изменить. Лекари – не помощники, потчуют отварями разными, примочки кладут, мне от них хуже становится. Молчи, не перебивай. Знаю, каждый день, да не по разу выпытываешь их. Советы даёшь. Одна надежда осталась на чудо Господнее. Лежал бы и ждал: того или другого. Мне нельзя.

В светильнике, висящем под потолком, потухла объёмная восковая свеча, и в горнице стало полутемно. Елена оглянулась по сторонам в поисках верного Якова.

– Надо позвать кого-нибудь, – Елена хотела встать, но князь остановил её.

– Пусть так. Яков, – позвал он. Где-то в углу зашевелилась бархат-занавеска и показалась голова верного слуги. – Подь отсюда. С глазу на глаз буду говорить. Далеко не ходи, за дверью останься.

О чём князь с женой говорил, неизвестно, но, когда Елена покидала опочивальню, заметил Яков Давыдович: за последние дни молодуха и так с лица спала, здесь же постарела годков на двадцать, и в глазах блеск появился. Такое он видал у волчицы, загнанной охотниками и псами. Звериный, безрассудный огонь далеко может княгиню-мать завести. Яков Давыдович поклоном проводил Елену и юркнул на зов князя.

– Собирайся, Яков Давыдович, завтра домой поедем. Нагостился я тут.

* * *

В Москву князь решил въехать скрытно, чтобы схоронить от иноземных послов свою слабость. Заморские гости его не любили, и есть за что. Василий Иоаннович был нрава крутого, мало кого жалел и подарками одаривал. Все думы его о землях от отца в наследство оставленных. Почти тридцать лет земли он те укреплял и приумножал. Псков, Чернигов, Смоленск, Рязань – теперь города московские. Кому такое понравится? Свои и то ропщут. Теперь же и во все свора бояр-псов завидных до власти и жадных до злата оживёт и начнет рвать его земли.

Пока князь в родовой вотчине Воробьево отдыхал после тяжкой дороги и принимал знатный люд, мастеровые наводили мост через речку. Морозец некрепкий и лед в палец быстро крошился. Два дня не прошло, и мост готов.

Государя уложили в возки и медленно, от каждого движения князь люто страдал, тронулись в град-столицу.

Едва княжеские сани въехали на мост, как стилка начала шататься, крениться и валиться на бок. Яков Давыдович, ни на шаг не отстающий от государя, чуть успел обрезать гужи. Лошади упали в ледяную воду, возок с князем на руках вынесли на берег.

– Вертаться нужно, – Яков с состраданием смотрел на Великого князя. – Перевоз сколачивать будем.

– Здесь подожду. Вон к берёзкам отнесите. Подь сюда, что скажу. Ты мужиков не наказывай. Не их вина.

– Чья ж? – удивился Яков.

– Ведомо чья, – неопределенно ответил государь, – и попросил, – накрой меня ещё чем. Зябко, – и закрыл глаза, вроде задремал.

– Слыхал, что князь-то сказанул, – луковым перегаром дыхнул Иван Шигоня. Яков не любил дворецкого и хотел уйти, но боярин крепко держал его за рукав терлика, своим меховым кафтаном Яков накрыл князя.

– Не ершись, нам теперя сторониться не в пользу, – приглушенно сказал Иван.

– Что-й то? – Яков сделал вид непонимающего.

– Видал, как мост завалился. Разом. Словно кто столбы подрубил. Её дела, боле никто так не мог. Она это.

– Кто она-то? – Яков начал раздражаться и не от присутствия неприятного для него боярина, а от полного согласия с его домыслами.

– Соломония. Я, когда её выпытывал... Да ладно тебе рожу морщить. Сам, что ли, на такое решился? Поневоле это, – луковый дух полностью захватил Якова, так близко собеседник приблизился к боярину. – Она сама созналась, что с чёрным колдуном зналась. Просила порчу на бездетность снять. Знаешь, как грозила князю отомстить, – он пожегился и пугливо оглянулся по сторонам. – Сколя времени прошло, а по спине прямо мурашки побёгли.

– Сам-то понимаешь, что городишь. Она теперя в монастыре. Богу служит. Да и люб он ей был.

– Знаю, люб. Она сама об том говорила, но опосля – обозлилась. Как тута не обозлишься? Ладно бы только постригли, так второй-то раз при живой жене по-церковному жениться никак нельзя. Двойной грех получается.

– Так митрополит дал благословение.

– Ага, он-то дал. Кто выше – нет.

– Ты и про это знаешь?

– Не знаю, догадки берут. Не один я видел, что с белым светом сделаться может. Ты ведаешь сам, почитай, рядом стояли, конца света ждали. Что изображаешь из себя.

Иван Шигоня в сердцах махнул рукой на Якова и спустился к реке, где мужики дружно чистили реку от льдин, чтобы ни одна не попала на пути княжеской переправы.

Яков подошёл к возке князя, поправил съехавший на землю кафтан. Князь открыл глаза, боярин кинулся к нему: может, что нужно?

Князь отрицательно повел головой и отвернулся.

Яков задумался, он хорошо помнил день, на который намекал дворецкий.

* * *

Москва про грозу не забыла, а тут еще одно чудо небесное произошло.

Ясный летний день. Солнышко щедро шлёт лучики на землю. И вдруг словно кто светило черным платком прикрыл. Сначала краешек, потом всё больше и больше. Вот уже и верха у солнца нет, и будто вечереть стало. А на дворе-то должна быть середина дня.

Люд из изб повыскакивал, кто делами занимался, всё забросили. Бабы причитают, молятся, и многие мужики спешат лоб осенить святым крестом. Собаки хвосты прижали и за людей хоронятся. Скотина, какая мычит, какая ржет, другая тычется в угол двора, словно спрятаться хочет.

На окраине колокол тревожно набат начал. Ему второй ответил, вскоре загудело над градом на разные голоса. Москвитяне конца света ожидать стали. Но, видно, Бог ещё не сильно осерчал. Вскоре или сам, или кому приказал покрывало сдернули с солнца.

– Поживём ещё, православные, – радуются и молодые, и старые, – но только беда на пороге. Может, вражеское войско опять походом собирается, или не урожай случится, следом голод, болезнь прилипчивая. Есть и догадка, вслух говорить и то страшно – другой государь на престол взойти собирается. Неужто тот, что родился в грозу? Мал вроде. Кто ж тогда? Соломония предрекала: тот, кто в могуществе и славе.

* * *

В кремлевские постельные хоромы Василия Иоанновича занесли, и бояре друг за дружкой торопливо предстали перед Великим князем. Скорбные лица, приглушенные голоса, спины гнут, сами же из-под бровей каждую черточку в лице князя рассматривают. Слух, что впереди князя в Москву прибыл, верен – нежилец Василий Иоаннович.

Князь же этого и не скрывает.

– Призвал я вас, бояре, лишь для одного дела. Занемог я. Видно, пришло моё время держать перед владыкой небесным ответ.

Старший из братьев Шуйских – Иван¹, пряча в темных глазах злорадство, поспешно на два шага приблизился к князю, сидевшему в подушках и мехам:

– Да что ты, князюшко наш Василий Иоаннович, такое говоришь. Занемог?! И не думай об таком. Нельзя тебе. Дел-то сколько.

– Заботы мирские тебе оставляю.

– Мне? – Шуйский отпрянул от князя. Сзади стоявшие бояре зашущукались. Государь тяжело оглядел потные, раскрасневшиеся лица. Он постоянно зяб, хотя мучился жаром, и велел синюю в изразцах печь натопить докрасна.

– Тебе и законному моему наследнику, – твердо сказал князь и хитро спросил: А ты об чём таком, Иван, кумекаешь? Думаешь, князь не в себе и отдаст престол, доставшейся от отца, кому не след. Я хоть и болен, но ума не лишился. Эй, где духовая грамота.

Дьякон, низко кланяясь, протянул государю бумагу.

Боярам хватило одного взгляда для догадки – то не грамота, сочиненная при митрополите Варлааме. Новая духовая.

– Наследником объявляю сына своего Иоанна Васильевича, – просто сказал Великий князь, понимая, не это волнует бояр. Ждут другого, кто станет опекуном при малолетнем государе.

Знать бы Великому князю, кто верой и правдой служить будет ему и после смерти? Нет таких в постельных хоробах, нет и во всей Москве. Не станет его, и не будет мира в государстве. С наследника что взять – дите. Молодая государыня не в чести у московских вельмож. Пока терпеть будут, а как за порог выйдут – козни начнут строить. Вон как Шигоня на Ивана Шуйского смотрит. Знает, не быть ему опекуном, и смекает, как в доверие к Ивану войти, чтобы головы не потерять. Взять Глинского, хоть и родной дядя государыне, а свои интересы имеет. Не уверен Великий князь и в самой Елене. Как взыграет молодая кровь, не утерпит свой блуд при людях показать. Бояре вмиг место ей укажут. Напрямую действовать не станут, а яду в питье подсыпят.

¹ Иван Петрович Шуйский (ум. 1588) – князь, военный и государственный деятель.

Силы оставляли государя, и дальше тянуть с объявлением имен опекунов не было смысла.

– Елена Васильевна, подойти ближе. Не плачь. Вспомни, что я тебе давеча говорил, – когда она перестала всхлипывать, продолжил. – Следуя обыкновению наших предков, у тебя особенное достоинство. Быть при государе до его пятнадцатилетия рядом и его именем государственные дела вершить. В духовой грамоте это прописано. Помогать тебе будут другие опекуны. Андрей², брат мой, будь Иоанну взоместа отца родного. И ты, Михайло, не забудь, что в нём и твоя кровь. А вы, бояре, Василий и Иван Шуйские, Михаил Захарьин, Михаил Тучков, Михаил Воронцов³, служите моему сыну, как служили мне. На том и расстанемся. Призовите ко мне Иоасафому Троицкого⁴.

Великий князь Василий отходил. Язык тупел. Взор меркнул. Рука упала, в последний раз осенив лоб. Митрополит Даниил по желанию государя спешил кончить обряд пострижения. Как только на грудь умирающего положили ангельскую схиму, государь, теперь же инок Варлаам, закрыл глаза, и через несколько минут безмолвия Шигоня, стоявший подле одра, сказал:

– Государь скончался.

Московское государство замерло в ожидании нового правителя. Будет ли он умножителем и хранителем русской земли. Только время даст ответ. Но москвитяне хорошо помнили, что в час, когда рождался новый государь, была гроза. Грозная гроза!

² Андрей Иванович Старицкий (1490–1537) – удельный князь, младший из сыновей великого князя Ивана III.

³ Михаил Захарьин, Михаил Тучков, Михаил Воронцов – бояре, военные и государственные деятели.

⁴ Митрополит Иоасаф (Скрипицын) (ум. 1555) – митрополит Московский и всея Руси, преемник Даниила.